

*Н.М. Малыгина**(ГОУ ВПО «Московский городской педагогический университет»)*

МОТИВ ЕДИНСТВА МИРА И ЧЕЛОВЕКА В ТВОРЧЕСТВЕ МАНДЕЛЬШТАМА И ПЛАТОНОВА

Сопоставление творчества Платонова и Мандельштама может показаться неожиданным. Тем более поразительно, что в картине эпохи, созданной настолько непохожими художниками, совпадают узнаваемые черты, детали и подробности.

Непредвзятый взгляд позволяет заметить фантастическое сходство художественных миров Платонова и Мандельштама, их созвучия и переклички.

В книге воспоминаний Н.Я. Мандельштам встречаются строки о Платонове: «У Платонова, замечательного человека и писателя, есть рассказ о народе, погибавшем с голоду. Когда его накормили, он перестал быть народом» ([5]; 208). Вдова Мандельштама вспоминает повесть «Джан», которую напечатали, когда ни Платонова, ни Мандельштама уже не было в живых. Скорее всего, она высказала свое мнение о Платонове, но передает ли оно отношение Мандельштама к Платонову — неизвестно.

Первая встреча произведений Платонова и Мандельштама осталась незамеченной, — она произошла на страницах журнала «Железный путь» в 1923 году. В конце 1922 года после долгого перерыва возобновилось издание журнала «Железный путь», и в июле 1923 года журнал сообщал о новом составе своих авторов. Здесь впервые фамилии Платонова и Мандельштама встали в один ряд: «Ближайшее участие в журнале принимают: В. Александровский, Мих. Бахметьев, А. Брагин, Я. Быкин, Н. Власов-Окский, М. Герасимов, С. Городецкий, Ал. Григорович, Борис Дерптский, А. Дорогойченко, Ин. Дагаев, Н. Задонский, М. Ильина, Кедров, В. Келлер, Вл. Кириллов, Вл. Кораблинов, С. Клычков, М. Лызлов, Федор Михайлов, Н. Ляшко, Неклюдов, Сергей Малашкин, О. Мандельштам, Ал. Неверов, С. Обрадович, П. Орешин, Пан, Андрей Платонов, Георгий Плетнев, П. Радимов, С. Родов, Л. Стальский, проф. Ю. Успенский, А. Ширяевец, П. Яровой» [2].

На первой странице журнала «Железный путь» за 26 июля 1923 года были помещены рядом стихотворения Андрея Платонова «Небесная авиация» и О. Мандельштама «Когда Психея-жизнь спускается к теням...» (1920) [3]. Эта публикация дает основание думать, что с 1923 года (если

не раньше) Платонов и Мандельштам знали друг о друге. Последствия знакомства Платонова со стихотворением Мандельштама проявились 13 лет спустя: в образе главной героини платоновского рассказа «Фро» заметны черты мандельштамовской Психеи. Подобно Психее Мандельштама, героиня Платонова спускается на дно ямы, попадает в символический подземный мир, страдая из-за разлуки с любимым мужем.

Герои творчества Платонова и Мандельштама переживают близкие психологические состояния: отверженности, предчувствия гибели — жизнь «накануне казни», механическое существование тела после смерти души. Раскрывая духовный мир и переживания человека 1920–1930-х годов, Платонов и Мандельштам как будто вторят друг другу или дополняют один другого.

По этому поводу Анна Ахматова писала: «...Чтобы добраться до сути, надо изучать гнезда постоянно повторяющихся образов в стихах поэта — в них таится личность автора и дух его поэзии...» ([12]; 12). И такая образная симметрия обнаруживается у обоих поэтов. В основе художественных миров Платонова и Мандельштама обнаруживаются общая система архетипических образов и мотивов. Центральным из них является мотив единства мира и человека.

Состояние лирического героя поэзии Мандельштама определяется ощущением неразрывной связи с миром:

Так вот она — настоящая
С таинственным миром связь!
Какая тоска щемящая,
Какая беда стряслась...
(«Я вздрагиваю
от холода...» ([6]; 77))

Ощущение неразрывной связи человека с миром является также сквозным мотивом творчества Платонова. Этот мотив возникает в поэзии и прозе Платонова с самого начала его писательства. Автобиографический герой рассказа «Маркун» в финале произведения понимает: «Теперь я узнал, что я — ничто, и весь мир открылся мне, я увидел весь мир, никто не загоразивает мне его, потому что я уничтожил, растворил себя в нем и тем победил. Только сейчас я начал жить. Только теперь я стал миром».

О слиянии человека со Вселенной Платонов писал в статье «Луначарский»: «Будет время, и оно близко, когда один человек скажет другому: я не знаю ни тебя, ни себя — я знаю всех. — Я потерял себя».

но приобрел всех, весь мир». («Маркун» написан 28 июля, почти одновременно со статьей «Луначарский» — 1920, 22 июля). Та же мысль продолжена в статье «О любви» (1922): «Человек и Вселенная — одно, и человек сам — та же сила, которая бьется и дышит в звездах и траве». Источником представлений Платонова о растворении человека во Вселенной была «философия природы» А.А. Богданова. В романе-утопии «Красная звезда» (1908) говорится, каким был учебник всемирной истории для детей марсиан: «Первая глава имела философский характер и была посвящена идее Вселенной как единого целого, все заключающего в себе и все определяющего собой». Здесь сказано о превращении человечества в качественно новый сверхорганизм, сливающийся в единое целое со Вселенной: «Разве не возникает глубоких противоречий жизни из самой ограниченности отдельного существа по сравнению с его целым, из самого бессилия вполне слиться с этим целым, вполне растворить в нем свое сознание и охватить его своим сознанием» ([1]; 129).

В романе «Чевенгур» Саша Дванов наделен способностью родственного сопереживания не только живым существам, но и машинам.

В повести «Джан» описано возвращение Назара на родину после долгой разлуки, когда он чувствует, что растения его узнают. В рассказе «Афродита» Назар Фомин надеется, что, если его жена жива, окружающий мир обязательно даст ему об этом знак. Захар Павлович сокрушается, что его присутствие на свете ничего не изменило в мире.

В творчестве Платонова и Мандельштама человек и мир предстают сообщающимися сосудами. Автобиографический герой Мандельштама ощущает в себе «пустоту», готовую наполниться «шепотами пены, туманом, ветром и дождем».

В романе Платонова «Чевенгур» Александр Дванов чувствовал, что «...всегда у него внутри оставалось какое-то порожнее место — та пустота, сквозь которую тревожным ветром проходит неописанный и нерассказанный мир» ([11]; 71).

В программном стихотворении Мандельштама «Раковина», лирический герой стихотворения замещен образом-эмблемой — раковиной (1911), чьи надежды обращены к океану Вселенной:

И хрупкой раковины стены, —
 Как нежилого сердца дом, —
 Наполнишь шепотами пены,
 («Туманом, ветром
 и дождем...» ([6]; 71))

Лирический герой стихотворения ощущает себя пустой раковиной, вынесенной на берег «пучины мировой». Описание переживаний главного героя «Чевенгура» создает впечатление почти цитатного сходства с изображением ощущений лирического героя Мандельштама: «Дванов опустил голову и представил внутри своего тела пустоту, куда непрестанно, ежедневно входит, а потом выходит жизнь, не задерживаясь, не усиливаясь, ровная, как отдаленный гул, в котором невозможно разобрать слова песни» ([11]; 71).

«Саша почувствовал холод в себе, как от настоящего ветра, дующего в просторную тьму позади него, а впереди, откуда рождался ветер, было что-то прозрачное, легкое и огромное — горы живого воздуха, который нужно превратить в свое дыхание и сердцебиение. От этого предчувствия заранее захватывало грудь, и пустота внутри тела еще более разжималась, готовая к захвату будущей жизни» ([11]; 71).

Автобиографические герои Платонова часто остаются наедине с «пучиной мировой». Игнат Чагов из рассказа «В звездной пустыне» осознает хрупкость человеческой жизни «в бездонной пучине Вселенной». Они чувствуют, что жизнь космоса и биение человеческого сердца подчинены общим ритмам: «Если небо просторно, пустынно и солнце от зноя стоит, в нашем сердце идут облака. Их шорох, как тихая вечная музыка, которая гонит надежду» («В звездной пустыне»).

Постоянно воспроизводится в творчестве Платонова образ *дна мира*, как *дна вселенского колодца*. В эссе «Поэма мира» жизнь на Земле предстает как существование на «дне колодца»: «Небо днем серое, но ночью оно светится, как дно колодца. — и нельзя на него смотреть. Самое большое чудо, это то, что мы все еще живы, живы в холодной бездне, в черной пустынной яме, полной звезд и костров» (выделено мной. — Н.М.). А над головой — космос, звезды. Поверхность, очевидно, — «занебесный» высший мир.

В записях к повести «Котлован» — «Елисей ходил походкой по дну мира» ([9]; 42). Согласно истолкованию героического мифа, главное в нем — это «второе рождение» героя после смерти (Мелетинский). Мифологема «второго рождения» многое объясняет в отношении к смерти героев Платонова: они погружаются на дно озера, опускаются в углубления земли или уходят под землю, что означает возвращение «в чрево матери» и возможность второго рождения.

У Мандельштама мотив «возвращения» в жизнь после смерти звучит в стихотворении «Я ненавижу свет однообразных звезд...» (1912):

Или свой путь и срок
Я, исчерпав, вернусь...
([6]; 78)

Землекопы котлована погружаются в пропасть вырытого ими котлована. Писатель осознал, что их уход под землю тождествен возвращению «в чрево матери». Он записал: «Мертвецы в котловане — это семя будущего в отверстии земли» ([9]; 43).

Герои романа «Счастливая Москва» Сарториусе и рассказа «Бесмертие» Эммануил Левин чувствуют внутри себя ту особую пустоту, благодаря которой они способны вместить в свое внутреннее переживание весь внешний мир.

«Пустое» — нежилое — сердце человека может превратиться в дом для целого мира. За этой ситуацией угадываются контуры мифологических представлений о тождестве тела и дома у Платонова и Мандельштама.

Образ «дома-сердца» организует структуру рассказа «Возвращение». Вернувшийся с фронта сержант Алексей Иванов остается глух к страданиям собственной семьи. Его жена и дети из последних сил дожидались его возвращения, чудом выжили в годы войны, существуя на зыбкой грани между жизнью и смертью. Испытав глубокое потрясение, герой смог открыть сердце для своих детей. Настоящее возвращение домой стало возможно только тогда, когда сердце человека стало домом для его детей. «Нежилое» сердце открылось миру.

В основе такого мироощущения лежит мифологическое представление об «очеловечивании» мира — превращении мира в человека, когда человеческое «Я» становится героем («первая личность»), который в принципе является архетипическим предшественником человечества в целом» ([7]; 76). Образ единого человечества, воплощенного в одном человеке, — постоянный в творчестве Платонова.

За ощущением единства мира и человека у Мандельштама и Платонова скрывается архетипический образ Земли-женщины: «Рождающее чрево Великой матери выражается образами дна моря, источника земли. Пещеры, города. На этой стадии, соответствующей пребыванию ребенка в чреве матери, <...> существование до и после смерти тождественно» ([7]; 75–76).

Образ Земли-женщины возникает у Мандельштама: «Земли девической упругие холмы лежат спеленутые туго».

Этот образ создает в творчестве Платонова сквозной мотив. В романе «Чевенгур» выявляются синонимические образы женщины-матери, «Вселенной-женщины», Земли-матери: «Земля спала обнаженной и мучительной, как мать, с которой сползло одеяло» ([11]; 200).

Смысл финалов романа «Чевенгур», повести «Котлован» раскрывается в контексте мифологического представления о том, что «существование до и после смерти тождественно» ([7]; 76). В романе «Чевенгур» мысль о тождестве смерти рождению передана в эпизоде гибели старого машиниста-наставника: «...никакой смерти он не чувствовал — прежняя теплота тела была с ним, только раньше он ее никогда не ощущал, а теперь купался в горячих обнаженных соках своих внутренностей. Все это уже случалось с ним, но очень давно, и где — нельзя вспомнить...» ([11]; 68). Старик умирал, «ясно сознавая, что он через девять месяцев снова родится...» ([11]; 68).

В творчестве Мандельштама и Платонова присутствует *мотив очеловечения*, одушевления окружающих человека предметов и явлений.

Поэзия Мандельштама проникнута верой в то, что короткая жизнь человека оставляет след в мире:

На стекла вечности уже легло
Мое дыхание, мое тепло.
Запечатлеется на нем узор,
Не узнаваемый с недавних пор.
Пусть мгновения стекает муть —
Узора милого не зачеркнуть.
*(«Дано мне тело —
что мне делать с ним...»* ([6]; 69))

Завсегдатай вечерних трамваев Семен Сарториус в романе Платонова «Счастливая Москва», отправляясь на трамвае по ночной столице, размышляет о том, что, возможно, «тысячи людей, бывшие здесь днем, оставили свое дыхание и лучшее чувство на пустых местах» ([10]; 99).

Вариация этого мотива у Мандельштама становится убеждением, что человеку необходимо понимание и сочувствие окружающего мира, где для него отсутствует граница между живым и неживым:

Лишь бы только любили меня эти мерзлые плахи...
*(«Сохрани мою речь навсегда
за привкус несчастья и обьема...»* [6])

В «Котловане» родственное чувство к «древним плахам» испытывает Чиклин: «...он увидел один забор, у которого сидел и радовался в детстве, а сейчас тот забор заиндевел мхом... Чиклин ...ходил по далеким местам и разнообразно трудился; а старик забор стоял неподвижно и, помня о нем, все же дождался часа, когда Чиклин прошел мимо него и *погладил забвенные всеми тесины отвыкшей от счастья рукой*» ([11]; 117) (курсив мой. — Н.М.).

Современники Мандельштама и Платонова, люди из их самого близкого окружения, выделяли у обоих яркую общую черту: способность работать в любых условиях. Надежда Мандельштам вспоминала, как был разгневан поэт, когда его навестил в новой квартире, в писательском доме в Нашокинском переулке Борис Пастернак и сказал о том, что теперь у Мандельштама появилась возможность писать. Мандельштам возмущало такое отношение к творчеству, он был глубоко убежден, что настоящий художник может работать, несмотря на любые житейские неудобства.

Д. Ортенберг в воспоминаниях о работе Платонова корреспондентом «Красной Звезды» писал: «Был он человеком непритязательным и легко мирился со всеми неудобствами и невзгодами фронтовой жизни. Добираясь до переднего края, мог отмерить в своих сапогах не один километр, переночевать в сыром окопе, пообедать сухарем и кружкой воды. В Славуте, на Украине, корреспонденты заняли небольшую хату, откуда только что ушли немцы, не были еще убраны нары, солома. Михаил Зотов, руководитель спецкоровской группы «Красной Звезды», решил, что молодежь как-нибудь и здесь проживет, а Платонова надо лучше устроить. Он попросил редактора фронтовой газеты полковника Жукова, успевшего занять более благоустроенные дома, приютить у себя писателя:

— Конечно! Что за вопрос! Давайте его нам. Создадим ему царские условия,— согласился редактор, рассчитывая, очевидно, получить что-то и для своей газеты.

Но, когда Зотов попытался увести Платонова на эту квартиру, тот отказался и даже обиделся. Так и остался со всеми, устроившись на полу, где вповалку спало человек двенадцать. <...>

Мог Платонов работать в тесноте и шуме. В хате накурено, стоит обычный гам, а писатель, скромно примостившись на краю швейной машинки, нажав на педаль, провозглашал своим глуховатым и спокойным голосом:

— Начинаю строчить...

Так, время от времени нажимая на педаль, он объявлял:

— Ну, еще один абзац сделан...

Шум на него не действовал, но его соседи из уважения к писателю тихо один за другим выходили из хаты, оставив Андрея Платоновича одного за работой.

— На войне надо быть солдатом,— не раз говорил он своим товарищам» ([8]; 110–111).

Эта способность работать в любых условиях была следствием другого общего качества их творческого дара: они умели, как говорил о себе Мандельштам, писать с голоса.

Очевидно, такая одаренность была чертой гениальности. Платонову, как и его автобиографическому герою Дванову, «...слышались в воздухе невнятные строфы дневной песни, и он хотел в них вернуть слова» ([11]; 246). Он надеялся из уст самого мира расслышать ту истину, которую собирался передать людям.

Схожими намерениями объясняется загадка поведения Мандельштама, когда он, вопреки здравому смыслу, без особого разбора читал современникам стихотворение о Сталине. Он осознавал себя медиатором, который способен улавливать то, что диктует голос «вещества мира», который он обязан передать своим слушателям и читателям. Потому таким мучительным было для поэта и писателя отлучение от читателя.

Литература

1. Богданов А. Красная звезда // Вопросы социализма. – М., 1990.
2. Железный путь. – 1923. – № 11 (25). – С. 24.
3. Железный путь. – 1923. – № 12 (26). – С. 1.
4. Малыгина Н. М. Платонов и Мандельштам: пересечение судеб в пространстве Москвы // Москва и «московский текст» в русской литературе XX века. – М., 2007. С. 4–10.
5. Мандельштам Н. Я. Вторая книга. – М., 1990.
6. Мандельштам О. Сочинения: В 2 тт. Т. 1. – М., 1990.
7. Мелетинский Е. М. О происхождении литературно-мифологических сюжетных архетипов // Литературные архетипы. – М., 2001.
8. Ортенберг Д. Андрей Платонов — фронтовой корреспондент // Андрей Платонов. Воспоминания современников. Материалы к биографии. – М., 1994.

9. Платонов А. Записные книжки. – М., 2000.
10. Платонов А. Счастливая Москва // Страна философов Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 3. – М., 1999.
11. Платонов А. Чевентур. – М., 1991.
12. Топоров В. Н. Об ахматовской нумерологии и менологии // Анна Ахматова и русская культура начала XX века: Тезисы докладов научной конференции. – М., 1989. С. 12.

**World and humanity motive
in the works of Mandelshtam and Platonov**

The similarity of art worlds of Platonov and Mandelshtam are revealed in the article. It's based on a generality of the central images repeating in creativity of writers. We established the crossings destinies of Platonov and Mandelshtam in space of Moscow.